

С. Л. Каганович

Художественное постижение «другого» в дилемме «свой – чужой»

Статья посвящена проблеме художественного взаимодействия русской литературы первой трети XIX в. с национальным миром мусульманского Востока. На примере поэтических произведений А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. А. Бестужева-Марлинского и др. рассматриваются особенности постижения и художественного воплощения национального характера человека Востока.

Ключевые слова: взаимодействие литератур, русская поэзия первой трети XIX в., национальный характер, А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский.

S. L. Kaganovich

Art Comprehension of "Another" in Dilemma "Own – Strange"

The article is devoted to the problem of artistic interaction of Russian literature in the first third of the 19th century with the national world of the Muslim East. On the example of the poetic works by A. Pushkin, A. Griboedov, A. Bestuzhev-Marlinsky and others the peculiarities of knowledge and the artistic expression of the national character of the Eastern people are analyzed.

Keywords: interaction of literatures, Russian poetry in the first third of the 19th century, a national character, A. Griboedov, A. Bestuzhev-Marlinsky.

Пограничное – между Востоком и Западом – географическое положение России обусловило одну из важнейших особенностей русской литературы – ее «протеизм» (Белинский), ее «всемирную отзывчивость» (Достоевский), то есть особую интенсивность восприятия ею инонациональных культурных и художественных импульсов.

В первой трети XIX в. эта проблема, помимо чисто эстетических, имела множество философских и даже политических параметров и аспектов, связанных с особенностями общественной жизни России этого периода. Расширение географических границ Российской империи за счет присоединения к ней «восточных» земель и связанные с этим процессом жестокие войны; философские споры о роли России в истории человечества и ее национальном самоопределении «между» Востоком и Западом, – все это безмерно осложняло отношение русской поэзии к Востоку как геополитическому, философскому и эстетическому понятию и соответственно к человеку Востока, несущему в своем характере многомерное сочетание привлекательного, интересного, близкого – и непонятого, порой чуждого – национально-специфического. Еще в 1803 г. «Вестник Европы» перепечатал из парижского журнала статью «О восточном и западном народе», в которой утверждалось, что «...оба народа, различные нравами, пользами и

религиею, должныствовали иметь особенный характер, особенную <...> физиогномию» [3, с. 56].

Доброжелательное стремление проникнуть за «дверь заветную», разделяющую разнонациональные миры, найти точки их взаимотяготения и, приобщившись к глубине и сложности иного национального взгляда на мир, расширить границы собственного мировидения – такова была осознанная задача русских литераторов, для которых, как известно, понятие национального было одним из проявлений принципиально важного понятия народности, а проблема инонационального придавала романтической, а затем и реалистической теории народности особое, эстетически и философски перспективное направление.

Лежащая на поверхности линия идеализации человека Востока как «свободного» сына гор и степей (вспомним лермонтовское «Где люди вольны, как орлы...») максимально эксплуатировалась поэтами-романтиками (И. Козлов, С. Нечаев и др.) для внедрения в общество свободолюбивых идей, но была далека от понимания восточного мира как национально-определенной реальности.

Столь же условными были разнонаправленные художественные тенденции, порожденные широко бытовавшей концепцией неизменности восточного мира, спокойного, без революционных катаклизмов и толчков, течения жизни человека Востока.

Концепция эта, с одной стороны, порождала массу экзотических зарисовок, в которых «земля роскошного Востока» представляла опять-таки идеальным миром гаремов, дворцов и фонтанов, на фоне которых протекает спокойная, привлекающая своей неизменностью, располагающая к душевному покою и неге повседневная жизнь: «Кто любит негу чувств, блаженство сладострастья // И не парит в края Азийские душой?// <...> Там жизни радость он познает и оценит// И снова обретет потерянный Эдем!» [7, с. 72].

С другой стороны, стремление приобщить Россию к миру западной цивилизации влекло за собой и противоположную тенденцию: если одни идеализировали патриархальность и неизменность восточного мира, то другие говорили о его статичности, застойности, неподвижности, губительных «для человека, народа и человечества» (В. Белинский). Герои стихотворений А. Шишкова, В. Карлгофа и др., в которых не воспевается, а осуждается «восточная» лень и праздность, подчеркивается жестокость и «дикость нравов» персонажей, а опорными лексемами становятся «ленивый», «злой», «безжалостный», «хищный» и т. п., так же далеки от живых людей Востока, как обитатели гаремов и дворцов. Во всех этих произведениях Восток и человек Востока играют не художественную, а «прикладную» – идеологически целенаправленную роль.

Однако главная линия художественных исканий шла по другому пути, продиктованному внутренними закономерностями собственно литературного развития: это был путь поэтического «освоения» живого Востока с его конкретными реалиями и самобытными характеристиками. И здесь во главе угла оказывался вопрос о постижении и художественном воплощении именно национальной специфики восточного мира и характера человека Востока, его образа мыслей, взглядов, восприятия окружающей действительности – той самой «манеры понимать вещи» (В. Белинский), которая определяет то вечное и непреходящее, что отличает один национальный мир от другого.

Общеизвестно, что в XVIII–XIX вв. специфика национального нередко соотносилась с окружающей человека природной средой, с «климатом» и «местностью». Еще В. Белинский помещал в единый ряд умение изобразить «природу» и «нравы» разных, подчас даже «никогда не виданных» художником стран и народов, ставил в заслугу Пушкину и Лермонтову верность их национальных характеров – «местности» [1, с. 333, 548]. И когда наш современник Г. Гачев утверждает, что «Главное, что постоянно питает и расширенно воспроизводит национальную целостность, – это природа», что «национальный

образ мира (*у каждого народа*. – С. К.) мыслится как диктат местной природы» [4, с. 433], то он – на современном уровне научной мысли – развивает ту же концепцию, восходящую еще к теориям Гердера.

По отношению к национальному характеру человека Востока такой подход был особенно уместен, так как его поддерживала сама восточная философия природы, национальная специфика которой заключалась в том, что человек воспринимает и ощущает себя как равную, неотъемлемую, органичную частицу природы и всего необъятного «божественного» мира. Этот единый, неделимый, созданный и «опекаемый» Аллахом мир Вселенной включает в себя природу Земли и как бы растворенного в ней человека. Таким образом, природа не как фон для изображения, а как способ постижения сути инационального характера, как одна из основ его концепции – таков один из тех художественных путей в глубины восточного мира, который многим русским поэтам казался кратчайшим и наиболее верным. В произведениях многих авторов эта идея единства «восточного» человека и природы воплощается непосредственно в системе художественных образов, в специфике их структуры, в логике их сложных ассоциативных сцеплений.

Так, в интересном стихотворении забытого сегодня Е. Зайцевского «День Азиянца» [6, с. 210] мы видим не выдуманый Восток гаремов, дворцов или «буйных набегов», а «колыбель народов мира», где сливаются воедино жизнь человека и природы, «полночи свежее дыханье» и «песня» уставшего от дневных трудов человека, «хор торжественный» небесных голосов и «звонкий зов» «незримого Имана», призывающего к вечерней молитве. Это страна «первоначальных» заветов и древних песен, общечеловеческой мудрости и культуры, не потерявших своей ценности до наших дней.

Стихотворение А. Грибоедова «Хищники на Чегеме» [5, с. 16] – интересный пример изображения «коллективного» характера кавказских горцев через их отношение к природе как бы изнутри, «от имени» самих горцев, чей взгляд на мир перенимает, «присваивает» русский поэт, отрешившись от собственного национального восприятия бытия: «мрак за нас ночей безлунных», «**наши** – камни, **наши** – кручи...» и т. п.

Стихотворение композиционно явственно делится на две части, и хотя внешне это простейшее сюжетное разделение: сам набег и «дележ добычи» (таково первоначальное название стихотворения), празднование победы, но глубинный смысл такой двухчастной структуры, на наш взгляд, в другом: это как бы разделение жизни горцев на «вечное» и «сиюминутное», неизменное и преходящее. И зало-

гом «вечного», основой сохранения каких-то постоянных, от дедов и отцов полученных ценностей является, по Грибоедову, именно эта слитность горцев с окружающим их природным миром. Она подчеркивается на протяжении всей первой части – и прямыми, «в лоб», заявлениями («Мрак за нас ночей безлунных...»), и – тоньше – фольклорным сравнением («Мы над вами, мы над вами, будто быстрые орлы...»), и сопоставлением своего народа с «могучим», к самому Богу вознесшимся Эльбрусом:

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!
Той же тканию свиенной
Так же скрылись мы мгновенно...

И, наконец, непосредственным утверждением вечности самой этой неотделимой от человека природы, утверждением, поэтически усиленным энергичной, четырежды повторенной анафорой:

Та же в небе синева!
Те же ледяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Мастерство грибоедовского национального перевоплощения, достоверность передачи в стихотворении «Хищники на Чегеме» специфики национального характера горцев особенно ярко и наглядно прослеживается в его сопоставлении с произведениями того же проблемно-тематического ряда других авторов. Так, со стихотворением Л. Грибоедова можно сравнить «Старинную песню» из повести «Аммалат-Бек» А. Бестужева-Марлинского [2, с. 221]. Аналогичная художественная ситуация – военное столкновение горцев и русских – также изображается способом лирического перевоплощения, «от имени» и с точки зрения самих горцев (автор указывает в примечании, что это переведенная «слово в слово» народная песня). Та же концепция человека Востока как неотъемлемой частицы природы выражена здесь в целой системе связанных друг с другом художественных образов. Тучи и скалы, орлы и кони, «крепость горного леска» и самих «узденей отряд летучий» – все это части естественного природного мира, который противостоит «штыку», «мечу» и «картечи» – самой смерти, нагоняющей горцев по кипящему кровью следу. С самого начала природа и уповающие на ее помощь люди как бы стремятся навстречу друг другу: «На Казбек слетелись тучи... им навстречу на скалы узденей отряд летучий». Это встречное движение «закрепляется» в переключке грамматических форм и синтаксических конструк-

ций («выше, выше, круче, круче» – спешат уздени и «ниже, ближе: чудо, чудо» – движется им навстречу «лесистая крутизна»); в смысловом сближении понятий («выше – ниже», «круче – ближе»), пока, наконец, не сходит в одной кульминационной поэтической точке – «мусульмане спасены средь лесистой крутизны».

С другой стороны, со стихотворением Грибоедова явственно переключаются многие структурные элементы «Кавказского пленника» Пушкина, – если убрать из него романтическую фабулу «Пленник – черкешенка»: описание быта горцев, их военных набегов, размышления о проблеме «Россия-Кавказ», сама тема плена (У Грибоедова – «узы – жребий им приличный»). Однако у Пушкина «европейца» все вниманье народ сей чудный привлекал», и этот взгляд со стороны определяет как двойственность оценок самого национального мира горцев (здесь соседствуют «гнездо разбойничьих племен» и «черкесской вольности отрада», «народ сей чудный» и «кровавый хищник»), так и динамику отношений героя-Пленника с природой: «раб», «пленник» видит «неприступные» горы, «однообразные вершины», «угрюмому» даль; привыкнув же к «унылой жизни», он снова романтически-восторженно воспринимает «великолепные картины» окружающего его мира природы. Однако в любом случае это взгляд Пленника (или самого автора), – но не горцев. Никакого национального перевоплощения, никакой восточной философии природы, как у Грибоедова, здесь нет: Пушкин решает иные художественные задачи.

Таким образом, различия национального «мировидения» вызвали живой интерес у русских литераторов первой трети XIX в. и могут быть обнаружены на самых разных уровнях функционирования художественного характера.

Примечания

1. Белинский В. Полн. собр. соч. в 13 тт. – М.: АН СССР, 1953–1959. – Т. 7.
2. Бестужев-Марлинский А. Полн. собр. стихотворений. – М.: Советский писатель, 1961.
3. Вестник Европы. – 1803. – № 2.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988.
5. Грибоедов А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. – М.: Правда, 1971.
6. Зайцевский Е. Стихотворения. Приложение 2 в кн.: Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
7. Полежаев А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1987.